

DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-2-95-110

П. С. Лемещенко

Белорусский государственный университет, кафедра международной политической экономики экономического факультета (Минск, Республика Беларусь)

ФЕНОМЕН ДЕНЕГ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ: МЕЖДУ РАЗРУШЕНИЕМ И СОЗИДАНИЕМ

Аннотация: статья посвящена такому феномену, как деньги, который сопровождает человеческое существование уже сотни лет. В ней обращается внимание не столько на экономическое содержание денег, сколько на культурно-психологические аспекты. Для выяснения таких новых свойств денег используется миметический и холистический подходы. По мнению автора, эти отношения в денежно-финансовых процессах в настоящее время начали доминировать и являются определяющими в твердости валют и устойчивой платежеспособности на разных уровнях хозяйствования. Особенно такие институциональные аспекты стали проявлять себя в связи с активным использованием информационно-коммуникативных технологий. Определение денег через призму института позволило автору зафиксировать их основное противоречие как противоречие между возможностью к созидательной стороне человеческой деятельности и разрушительной. К тому же в статье обращается внимание на явно недостаточный и узкий банкирский взгляд на уровни регулирования денежно-финансовых отношений, который приводит к большим выгодам монетарных институтов за счет вкладчиков, фирм, всего общества. По сути, это рента за монопольное право пользоваться таким особым материалом, как деньги. Создавшаяся ситуация не способствует форсированию создания справедливого общества и сдерживает социально-экономическое развитие, тормозит прогресс как в науке, инновациях, так и в мире в целом.

Ключевые слова: деньги, институт, противоречие, жизненные ценности, транзакционные издержки, разрушение, созидание, развитие.

Для цитирования: Лемещенко П.С. (2022). Феномен денег в новых условиях хозяйствования: между разрушением и созиданием // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 1, № 2. С. 95–110. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-2-95-110

Дата поступления статьи: 19 июля 2022 г.

Peter S. Lemeshchenko

Belarusian State University, Department of International Political Economy, Faculty of Economics (Minsk, Republic of Belarus)

THE PHENOMENON OF MONEY IN THE NEW ECONOMIC MANAGEMENT CONDITIONS: BETWEEN DESTRUCTION AND CREATION

Annotation: the article is devoted to such a phenomenon as money, which has accompanied human existence for hundreds of years. However, the author pays attention not so much to the

economic content of money, but to the cultural and psychological aspects. Mimetic and holistic approaches are used to clarify such new properties of money. According to the author, these relations in monetary and financial processes have now begun to dominate and are decisive in the hardness of currencies and stable solvency at different levels of management. Especially these institutional aspects began to manifest themselves in connection with the active use of information and communication technologies. The definition of money through the prism of the institute allowed the author to fix their main contradiction as a contradiction between the possibility of the creative side of human activity and destructive. In addition, the article draws attention to the clearly insufficient and narrow banking view of the levels of regulation of monetary and financial relations, which leads to greater benefits of monetary institutions at the expense of depositors, firms, and the whole society. In fact, this is an annuity for the monopoly right to use such a special material as money. Such a situation does not contribute to the acceleration of a just society and slows down socio-economic development, slows down science, innovation, progress in general.

Keywords: money, institution, contradiction, life values, transaction costs, destruction, creation, development.

For citation: Lemeshchenko P.S. (2022). The Phenomenon of Money in the New Economic Management Conditions: Between Destruction and Creation. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, vol. 1, no. 2, pp. 95–110. DOI: DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-2-95-110

Received July 19, 2022

列梅辛科 P. S.

白俄罗斯国立大学经济系国际政治经济教研室 (白俄罗斯, 明斯克)

新经济条件下的货币现象:破坏作用与建设作用

摘要:文章主要讨论了伴随人类已有几百年历史的货币现象。文章的重点并不是货币的经济内涵,而是其文化心理方面的意义。为了揭示货币的这些新特性,作者采用拟态法和整体法进行了研究。作者认为,现阶段在金融活动过程中这些新特性占据统治地位,并在不同层次的经济活动中成为货币坚挺程度和支付能力稳定性的决定因素。尤其是,随着信息交流技术被广泛应用,货币在制度方面的特性得以体现出来。透过制度棱镜对货币进行剖析后,作者发现了货币内部的基本矛盾——导致人类建设性活动作用与导致人类破坏性活动作用之间的矛盾。文章还强调,银行家持有对金融监管力度的轻视和狭隘的观点,这种观点致使金融机构从储户、企业和全社会获得巨大的利益。这种利益其本质上是货币这种特殊资料使用权的租金。这种情况,不利于建设公平社会,阻碍社会经济发展,破坏科学进步、技术创新和社会全面发展。

关键词:货币、制度、矛盾、生命价值、交易成本、破坏、建设、发展

引文注释:列梅辛科 P. S. (2022). 新经济条件下的货币现象:破坏作用与建设作用//智力经济和智力社会. 新兴工业发展研究所论文选. T. 1, № 2, C. 95–110. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-2-95-110

文章收到日期:2022年7月19日

Введение. Постановка проблемы. Любая наука развивается в понятиях, категориях (Г.В. Гегель). А сила, практичность любой науки определяются адекватным содержательным отражением в категориях тех явлений, которые характеризуют ту или иную хозяйственную практику. Деньги – это, пожалуй, фундаментальная категория экономической науки, которая прямо или косвенно, но накладывает отпечаток на весь категориальный аппарат этой научной дисциплины. Но в то же время деньги – это одна из самых мифических и загадочных категорий. И не зря У.Гладстон когда-то сказал, что ничто так не делает человека чудачком, как разговоры о деньгах. Таким образом, автор этих строк рискует, взявшись за эту тему, прослыть также или романтиком, или, мягко говоря, чудачком. Но то, что тема денег, финансов – самая обсуждаемая и самая волнующая – факт несомненный, который поможет преодолеть некоторое напряжение, возникшее в настоящее время из-за страха потерять накопленные денежные активы практически в любой форме и любом виде. Однажды, проанализировав белорусские журналы, автор обнаружил, что там почти 80 % их объема отводится денежно-финансовым проблемам. И в то же время нельзя сказать, что есть продвижение в понимании денег и финансов, поскольку, во-первых, их изложение носит в основном функциональный срез с представлением интересов монетарных институтов и даже не интересов населения, субъектов хозяйствования или общества. Во-вторых, по преимуществу (!) в имеющихся книжных, журнальных материалах про деньги отражается поверхностный слой отношений и связей на уровне явления. В-третьих, в многочисленных публикациях фиксируется или вульгарно-материалистический срез функционирования денег, их производных, или же их существование наделяется необъяснимым божественным фетишем, с которым пытался бороться еще К. Маркс. В-четвертых, новые информационные технологии породили субституты денег, квазиденьги, которые также не получили объяснения своей природы, закономерностей развития и противоречий, обусловив возникновение информационно-компьютерного фетишизма.

Деньги: избавляемся от фетишизма. 20 ноября 2014 года в Парламенте Великобритании прошли острые дебаты на тему: «Создание денег и общество», в ходе которых было процитировано высказывание Г. Форда: «Хорошо, что народ не понимает, как работает наша банковская система. Иначе завтра же случилась бы революция» [Ефимов, 2017, с. 131]. Подчеркнем, что «революционная ситуация» в денежном вопросе всегда и у всех актуальна, потому что если население и не понимает логически что происходит с деньгами и не все свои действия может просчитать логически в будущем, то все-таки оно в своем поведении руководствуется неявными, чувственными знаниями, опытом своим и своего ближайшего окружения. И если дедушка с бабушкой когда-то «потеряли» не просто накопленные деньги, другие активы, а часть своей жизни, то внуки будут избирать другую стратегию в своей жизни, ее ценности, новый общественный и технологический уклад, иную стратегию накопления, формы сбережений.

Каждая страна, как и каждый гражданин, живет так, как мыслит, отражая тенденции *необходимого* и *возможного*, как умеет управлять предприятиями, государственной и общественной системой (!), как умеет работать, понимая, как-то (?!) часто интуитивно, свое место в этом непростом мироустройстве. И это, с нашей точки зрения, главное преимущество и главное ограничение стран в отдельности и рамок тех отношений, которые существуют реально между странами и которые проектируются в будущем. Это главное – в конкурентоспособности и, соответственно, в политике. К сожалению, постсоциалистические страны,

наши страны, явно проигрывают в понимании и проведении денежно-финансовой политики. Примеров здесь очень много – от обоснования финансовой подушки, которая хранилась и осталась «храниться» за рубежом, до признания в качестве нормы слабеющей национальной валюты по отношению к другим валютам. Это, видите ли, невыгодно экспортерам, которых возвращают всей державой и деятельностью всего населения страны. А то, что экспорт в основном сырьевой или что он обеспечивается за счет всего общества, – это как-то не принимается в расчет.

Разрушение прежнего социального капитала в наших странах породило недоверие ко всякого рода реформам, социальную депрессию при общей риторике, взывающей и бизнес, и наемный труд к патернализму: дайте льготы, дайте беспроцентные кредиты и даже безвозвратные ссуды. Происходит миметическая (*от греч.* мимезис – подобие, воспроизведение, подражание) конкуренция среди участников хозяйственного процесса за прибыль, а по сути – за имитацию прибыли, присваиваемую частными агентами за счет роста общественно-полезной деятельности, или, как говорил К. Маркс, за счет «капиталистического коммунизма». Ведь желают денежного богатства в рыночной экономике все: и бизнес, и труд, и финансовые работники, формирующие бюджеты. Но миметическая конкуренция на этом не останавливается. Даже эта небольшая доля дохода в белорусских деньгах имеет тенденцию его владельцами быть обмененной еще на более ограниченное благо – доллар или другую более устойчивую валюту, не подверженную инфляции и возможной девальвации. Давление такого желания, например у белорусов, приводит к недооцененности своей валюты и переоцененности желаемой как бы валюты, дающей вроде бы большую уверенность сохранения своего большого или малого богатства в лидирующей мировой валюте. Таким образом, *миметический подход к деньгам позволяет зафиксировать их другие, не товарные свойства отношений, которые они сопровождают или в неявном виде генерируют.*

Обобщив, можно выделить три периода отношения к деньгам с точки зрения признания их влияния на экономическую динамику. Первый – деньги нейтральны к производственному процессу. Они влияют лишь на отношения обмена и распределения. Собственно, это позиция классической политэкономии. Второй – деньги имеют значение, но лишь на уровне сбережений. Третий уровень предполагает признание тезиса, что только деньги имеют значение. Это, по сути, теория монетаризма с его известными представителями и основными постулатами: человек независимо от его социального статуса и образования – это денежная аппликация человека. Дискуссии, как известно, не завершены по настоящий день. Однако исходным в этих агрегированных подходах является понимание природы денег.

На учебном уровне можно толковать о товарном или нетоварном характере денег, используя металлическую или же номиналистическую теорию. Это даже будет отвечать истине. Но лишь в некоторой степени, поскольку срез экономических отношений современной экономики достаточно сложен, обширен и многообразен. При всей своей общности свойств, которыми обладают деньги (социально-экономическая нормативность, функциональность, ограниченная воспроизводимость, универсальная полезность (ценность)), на каждом значимом историческом отрезке некоторые из них приобретают доминирующую для этого периода характеристику. Последние три десятка лет 98% транзакций, происходящих на денежно-финансовые операции, свидетельствуют о спекулятивно-разрушительных свойствах современных денег. В 2019 году в день совершалось валютных операций на сумму 6,6 трлн долларов. Все эти операции связаны с перераспределением добавленной

стоимости из производительных отраслей. Финансово-валютные же операции на сегодняшний день могут морально осуждаться лишь частью экономистов по причине разрушения или искажения ценностей, подвергающих разрушение смысла человеческого развития.

В то же время известные и еще неизвестные виды денег, «агрегаты», как их называют макроэкономисты, указывают на имеющийся и возникающий приоритет ценностей человека (!), ориентирующих последнего в своих мотивах, действиях, хороших или дурных поступках. Парадоксально, но возникла даже «экономика», названная «денежной», с серьезными попытками обеспечить ей теоретическое сопровождение. В этой части подчеркнем, что «теория» здесь необходима лишь для того, чтобы через сформированный «научный» образ мышления побудить человека действовать по «теоретической» схеме, но которой уже подготовлена новая, обеспечивающая крупные выигрыши начавшим «финансовую игру». Ведь без массового игрока на финансовом рынке, правила на котором задаются не только и не столько правовыми рамками, а именно «финансовой теорией», функционирование этих «рынков» не имеет смысла. Поэтому, кто начинает – а это, как всегда, игроки с большими суммами, – тот и выигрывает. А проигрыши объясняются довольно просто: «рынок», т.е. не объясняются никак.

Следовательно, в современных деньгах, кроме спекулятивных свойств, отражается значимость и ценность энергоресурсов, интересы их собственников, контролеров, а также явные и неявные интересы международных институтов, формирующих нынешнюю глобальную политику во всех ее направлениях. В денежном мире воплощены как инстинкты человека, так и его нравственно-этические мотивы, социальные и политические нормы, рамки и правила. Худшие времена в политико-экономическом плане заставляют обращаться к товарным активам (энергоресурсам, хлебу, земле, домам), золоту. Благоприятная же обстановка способствует росту доверия граждан между собою, к Правительству, Центробанкам, другим формальным институтам, бумажным деньгам, их производным. Виды платежных средств становятся *общепризнанными* и – особо отметим – справедливыми, если они устраняют неопределенность в принятии решения для индивида в сопоставлении с существующими официальными утверждениями и заверениями по сохранению собственности. *Таким образом, деньги – это институт, в конкретно-исторический период мотивирующий и регламентирующий поведение граждан, социальных групп, власти, а также обеспечивающий в определенной форме целесообразное с точки зрения ликвидности сохранение собственности, жизненных ресурсов для достижения своих краткосрочных и долгосрочных интересов, целей.*

Подход к деньгам как институту меняет многие ориентиры как к пониманию глобальных политико-экономических процессов, так и содержанию национальных политик, проблеме распределения доходов, включая распределение глобальной ренты, взаимоотношений между различными социальными слоями и классами, позволяет более или менее верно выстроить стратегию действительно устойчивого развития, при котором очевидна реальная значимость в социально-экономическом развитии банков и их слуг – служащих и пр. Снимается в определенной мере таинство товарно-денежного фетишизма, о котором писал не только К. Маркс, но и Ф. Хайек, но которого не могут преодолеть современные экономисты. Скорее, наоборот.

Сегодня возник новый вид фетишизма – информационно-цифровой с его технологической основой и платежными системами. «Существует способ, с помощью которого денежные тузы получают то, что они хотят от государства: убедить 99%, что они разделяют общие

интересы. Эта стратегия требует впечатляющей ловкости рук; во многих отношениях интересы 1% разительно отличаются от интересов 99 оставшихся» [Стиглиц, 2015, с. 215].

Удивительно точную дает оценку истории денег Ф. Хайек, которого никак не упрекнешь в приверженности к социально-гуманитарным нормам. «Если исключить несколько коротких счастливых периодов, – пишет Ф. Хайек, – можно сказать, что история государственного управления денежной системой была историей непрекращающегося обмана и лжи» [Хайек, 1992, с. 181].

Но при всех отличиях, которые существуют в многочисленных книгах по экономической теории, принятые на вооружение вузами, специалистами банков и пр., деньгами предлагают считать то, что признают люди в качестве платежного средства. «Деньги, – пишет П. Самуэльсон, – это искусственная социальная условность» [Самуэльсон, 1964, с. 110]. И что можно понять студенту вуза, прочитав это определение? Видимо, только то, что есть какие-то могущественные, но таинственные силы, которые каким-то образом определяют эти искусственные социальные нормы экономического и человеческого общения.

А вот что пишет о деньгах Ф. Бродель: «Деньги – единство мира, но они и мировая несправедливость. <...> Деньги стекаются на службу к владеющим технологией их обращения» [Бродель, 1986, с. 64, 508].

В работах политэкономического и институционального характера силу и значимость денег связывают с инстинктами, со смыслами жизни, которые могут возникать по мере житейских проблем. «Новые» виды денег приобретают и новые смыслы (!), и функции, которые принципиально меняют в обществе нормы отношений, мотивацию поведения и установки в деятельности стратегий политико-экономических агентов [Лемещенко, 2015; Лемещенко, Лаврухина, 2019].

О том, что деньги – это институт по определению, свидетельствует возникшая вместе с ними новая утилитарная норма поведения людей, ориентирующая на интенсивное накопление богатства в весьма феноменальных стоимостных или других формах, которые стали поддерживаться и закрепляться политико-правовой средой: время – деньги (!). Но «деньги – это доверие, которое живет и умирает лишь в человеческих сердцах и умах. Денежные системы состоят из механизмов и символов, задача которых – сохранить это доверие. Цивилизации были построены на доверии; оно – основа той уверенности в своих силах, которая нужна цивилизации для развития или хотя бы выживания. Но если общество теряет доверие к деньгам, оно теряет уверенность в себе» [Лиэтар, 2007, с. 127].

Если без преувеличений, да с учетом внезапно охватившей весь мир пандемии, то можно сказать, что эта уверенность утеряна даже у населения стран так называемых лидеров. Пандемия для человека поставила серьезную проблему *выбора денег или здоровья, продолжительности жизни и других ее разных качеств*. Но разобщение между народами, населением внутри стран, отчуждение друг от друга даже среди родственников, глубокая дифференциация по доходам и возникновение разного доступа к информации и демократическим процессам, мимикрия последних и недоверие к государственным и гражданским институтам – вот далеко неполный перечень существенных трансформаций, обусловленных проникновением денежно-финансовых критериев и оценок в сугубо человеческие ценности. Но одновременно открытия и новые знания требуют снятия всех национальных или других ограничений, а затраты на открытия и изобретения предполагают обмен на другой, не рыночной и не эквивалентной основе.

Деньги – холистический подход. Этот подход предполагает природу денег раскрывать с позиции целостности и эволюции социально-экономических отношений. Если сказать кратко, деньги имеют значение и определяют свое содержание и смысл, если им этот смысл задает жизнь. *Иначе говоря, есть смысл жизни, то и деньги приобретают соответствующий смысл.* С позиции данного подхода мы уходим от узкого, чисто экономического взгляда на деньги, предполагая, что «время – деньги», или только того, что «банки делают деньги». *Деятельность банков является лишь следствием того, что именно общество вменило основной массе населения считать или какой-то товар, или банкноту и пр. средством, обладающим основными функциями денег.* Почему вменило – мы ранее об этом говорили: люди интуитивно ориентируются на свою безопасность и уверенность в том, что заработанное позволит им по-своему распорядиться денежными ресурсами. Но *деньги при всех эгоистических интересах людей обеспечили некий общественный порядок, который на ранних стадиях эволюции мог руководствоваться «спросом» и «предложением».*

Социальный характер денег хорошо выразил Г. Зиммель: «Когда меновая торговля заменяется денежной покупкой, то между двумя сторонами в дело вступает третья инстанция: вся совокупность социального корпуса, которая – за эту сумму денег – предоставляет соответствующую реальную стоимость... Именно в этом заключено “зерно” истины, содержащееся в теории, согласно которой любые деньги являются лишь платежным поручением, предъявляемым обществу... Исполнение любого частного обязательства посредством денег означает как раз, что отныне сообщество в целом будет выполнять это обязательство по отношению к тому, кто имеет право» [Зиммель, 1999, с. 109].

На рисунке 1 мы покажем природу денег и их силу, которая зависит от понимания ценности жизни (как смысла) и денег как доминирующей ценности.

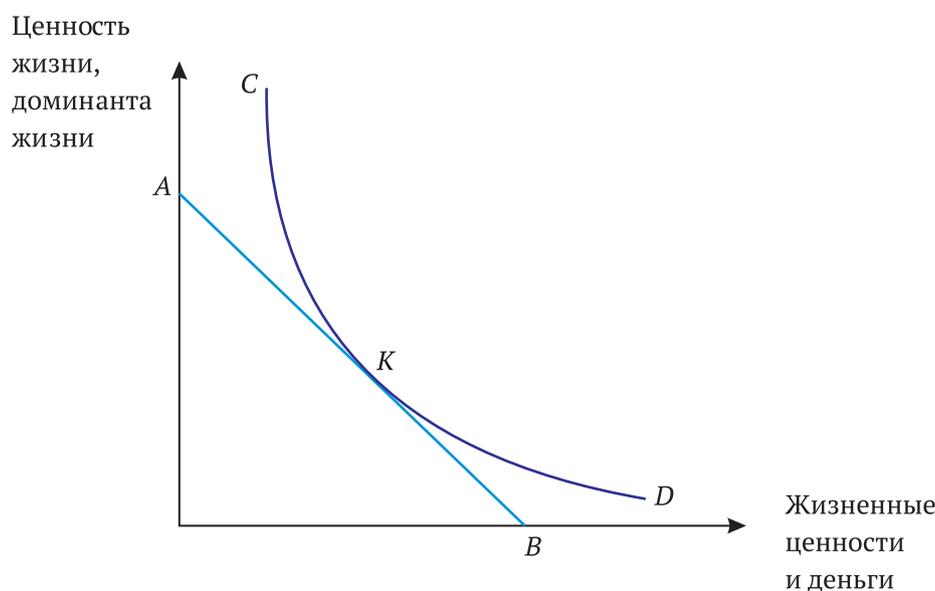

Рис. 1. Ценность жизни и ценность денег

Каждый из индивидов будет выбирать свою стратегию поведения тратить свою жизнь (это отчуждение) на присвоение какой-то части денег, что можно проследить по кривой безразличия, для жизненного благоустройства. Отрезок А – В фиксирует предел и жизни, и

денег, которые можно заработать за определенный период. Каждый в последующем начинает понимать, что жизни становится все меньше, и цена ее возрастает, а ценность денег падает, потому что они меньше и меньше влияют на продолжительность и качество жизни: можно пригласить дорогого врача, но здоровья не купишь. И в каждой стране сила стимула денег будет отличаться от других, поскольку это определится историей формирования культуры и, соответственно, ценностей, где деньги будут мотивировать деятельность с некоторой определенной силой.

Итак, деньги есть следствие не только экономики и не столько экономики. Деньги создали индивиды, занимающиеся различной хозяйственной деятельностью, включая и деятельность экономическую. Они отразили все противоречия человеческого и общественного существования. Правда, когда К. Маркс раскрывал происхождение и природу денег, многие институционально-социальные аспекты этого вопроса основательно отмечались и ранее. Во-первых, достаточно вспомнить формы эволюции меновой стоимости от единичной, простой и случайной через полную и развернутую к всеобщей форме и, наконец, денежной. Причем благородные металлы не сразу заняли это место, а в разных странах роль денег выполняли различные вещи, которым вменялось обществом быть таковыми. Это была своеобразная институционализация не совсем обычной вещи в качестве денег, т.е. эта вещь позволяла в последующем менять ее на все другие нужные товары. Она в виде денег снижала риск неопределенности человеческого существования при неурожае, безработице и пр., чтобы тем самым обеспечить себе и своей семье выживание. Во-вторых, К. Маркс более полно, чем сейчас трактуют учебники, выделяет пять функций денег: мера стоимости, средство платежа, средство обращения, средство накопления и, наконец, функция социально-экономического общения с другими странами. Подчеркнем, мера стоимости (!) реализовывала себя в идеальном, мысленном сравнении производимого товара и некоторой величины денег. Таким образом, деньги не только обеспечили определенную национально-этническую общность, но и способствовали преодолению этих национальных границ, формируя мировую экономику и культуру.

Можно сказать, что они – деньги – задали старт тому, что мы сегодня называем глобализацией, мир-экономикой, мир-системой. Пандемия обострила противоречия этой системы и в той части, когда либерально-частные устремления из-за угрозы жизни потребовали достаточно жестких карантинных ограничений. Разделение труда как источник развития, а следовательно, и деньги оказались абсолютно бесполезны в лечении неизвестной болезни, что усилило неопределенность и страх индивидов даже не за материально-денежное богатство, а за... жизнь. Оказывается, есть более глубокие ценности в человеческой деятельности, которые в том числе предполагают вложение, возможно, коллективных денег в разработку вакцины как общественного блага. Но не исключен и вариант того, что кто-то превратит снова лекарство от коронавируса в бизнес (хрематистика). Но если институты человеческого развития не сформированы, не определены в приоритетах национальной политики, эгоистические интересы влиятельных социальных структур и классов могут обеспечить реализацию этих интересов, нарушив баланс интересов и гармоничного социально-экономического развития до очередного кризиса.

Своим возникновением деньги раскололи мир и почти все его составляющие на два мира: эгоизм и альтруизм, индивидуальное и коллективное, добро и зло, частное и общественное, конкурентное и поддерживающее, разделенное и связующее и т.д. Мощь такую

деньги приобрели не в силу своей божественной или другой силы. Значение им придают люди, и люди с разными ценностями придают деньгам разную силу и влияние, реализуя свойственные людям противоречия и одновременно их овеществляя (Рис. 2).

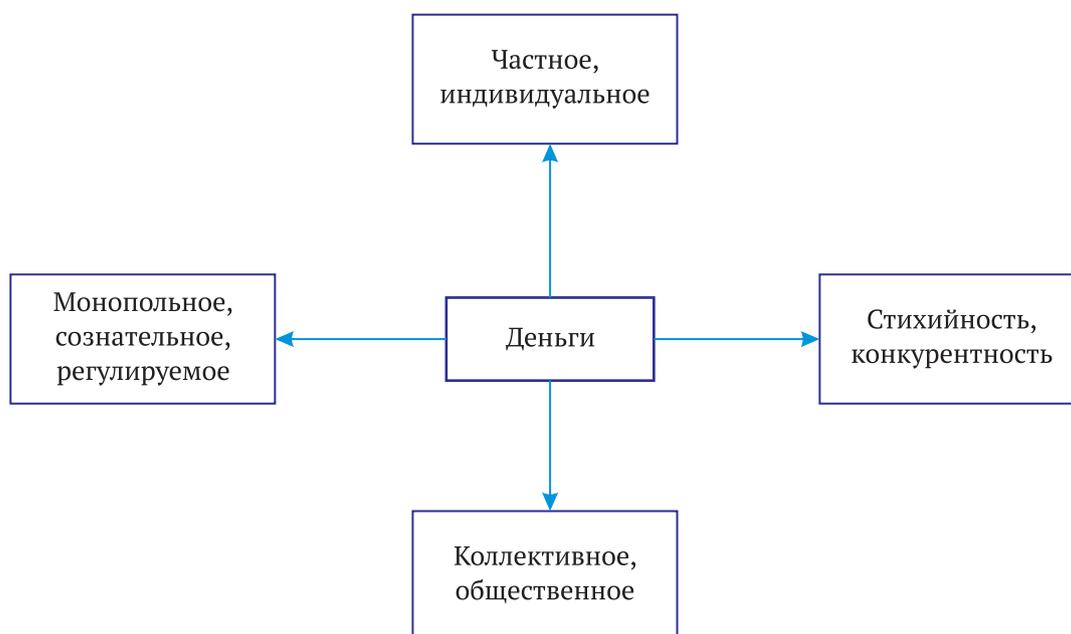

Рис. 2. Деньги и мировая поляризация

К. Маркс не один раз подчеркивал, что деньги – не потому деньги, что они по своей природе деньги из-за каких-то внешних сил и божественных свойств, а потому таковыми являются, что в первую очередь их люди признают по каким-то причинам в качестве денег. Это было предпосылкой преодоления товарно-денежного фетишизма. Сегодня же, не понимая природы современных денег и их производных перенесенных форм отношений, мы застряли в информационно-цифровом фетишизме, не преодолевая противоречий последнего. А «цифра» не только «дает», но и серьезно забирает у человека человеческое, эксплуатируя не только «тело» – добавленную стоимость, перераспределяя ее далеко не по рыночным законам, но и трансформируя душу, ум и пр., разрушая социально-нравственные начала человека, основу его будущего – сознание.

Итак, всеобщим объединяющим признаком денег (при самых разных их теориях) является доверие абсолютного большинства населения и представителей бизнеса, политики как между собой, так и к разного рода институтам, их деятельности, декретированным документам, включая платежные. Если обычные потребители должны быть уверены в том, что на свои доходы они и сегодня, и в будущем приобретут определенное количество благ, предприниматели заплатят по своим сделкам и необходимые налоги, то последние, например, предпочтут иметь устойчивый по покупательной способности бюджет.

В Словаре по этике «доверие» трактуется как «отношение к действиям другого лица и к нему самому, которое основывается на убежденности в его правоте, верности, добросовестности, честности, искренности» [Гусейнов, 1989, с. 115]. Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что в настоящее время определение категории «доверие» требует междисциплинарного подхода на основе интеграции философии, социологии, психологии,

экономики, управления. Это означает, что и природу денег нельзя полностью раскрыть, обращаясь к чисто экономическим категориям.

Основой доверия в стране выступают четыре субъекта: государство как институт, общество, индивид и фирма (бизнес). В контексте нашего предложения очередность этих агентов такова, как она представлена выше. Но интересно то, что страны отличаются приоритетом, очередностью и детерминированностью взаимодействия вышеназванных субъектов, которые определяют рамки и содержание категории «доверие». Например, кроме ментального фактора влияния, в Беларуси определяющим является институт государства. Для России, с нашей точки зрения, фактором, задающим уровень и содержание категории доверия, выступает бизнес, а точнее – финансово-банковская олигархия. Австрия и Швеция, например, где уровень доверия к институтам и персонифицированное доверие достаточно высокие, доминирующим фактором выступает *общество как таковое, его состояние и эволюция*. А отсюда и показатели разные по социальному капиталу этих стран. Работы французских исследователей междисциплинарного характера Я. Алгана и П. Каюка показали, что доведение доверия до уровня его в Швеции может обеспечить существенный экономический рост почти во всех странах (см.: [Аузан, Никишина, 2021]).

Недостаток доверия может на короткий период компенсироваться принуждением и насилием, что в истории имеет место в самых различных странах. Например, в США в 30-е годы XX века для обеспечения финансовой стабилизации была декретирована необходимость продажи по установленным государством ценам населением имеющихся всех (!) драгоценностей. И это в США, и в мирное время, и в так называемой демократической стране... Деньги есть всего лишь агрегированная материализованная форма имеющихся социально-экономических отношений в стране. Они своеобразная точка отсчета поведения и формирования отношений широкого круга человеческого общения.

Деньги породили капитал как феномен. Обычно это связывают с количественным накоплением денег. Но это часть видимой проблемы. Действительно, деньги, к которому стремятся почти все граждане (миметизм), ресурс ограниченный. И если на одной стороне этого ресурса становится много, то у второй стороны его будет меньше или совсем не будет. Но, во-первых, такую ситуацию надо было признать как нормальное и где-то даже справедливое явление. Во-вторых, появляются новая сила и власть – власть и сила накопленных денег. Они начинают формировать правила поведения в обществе, которые, скажем откровенно, не будут сильно противоречить силе денег.

Период первоначального накопления капитала – это, иначе говоря, предыстория экономики. Она, мягко говоря, была не совсем безупречной со всех сторон: правовой, экономической, этической и социальной... Но обратим внимание на первоначальное накопление капитала Великобритании и процитируем длинную фразу из не совсем известной для многих статьи Дж. Кейнса «Экономические возможности наших внуков». «Первыми иностранными инвестициями Великобритании, – пишет автор, – можно считать сокровища, украденные Дрейком у испанцев в 1580 г... В консорциуме, который финансировал экспедицию, значительная доля принадлежала королеве Елизавете. Из этой доли она выплатила весь внешний долг Англии, покрыла бюджетный дефицит, и у нее еще осталось 40 тыс. фунтов. Их она вложила в Левантийскую компанию и – весьма успешно. На деньги, принесенные Левантийской компанией, была основана Ост-Индийская компания; прибыли от этого великого предприятия легли в основу дальнейших английских иностранных инвестиций... Таким об-

разом, каждый фунт, который Дрейк привез в Англию в 1580 г., превратился сегодня в 100 тыс. фунтов. Такова мощь сложного процента» [Кейнс, 2009, с. 60]. От себя добавим: такова мощь и сила денег (!), превратившихся благодаря сформированной системе отношений Великобритании в капитал. *Тайна же этого превращения* напоминает в лучшем случае фокус, если просто это принять как обычный экономический, а не политэкономический факт. Сложный процент здесь ни при чем. Это лишь техника счета. Но на поверхности выглядит так: будьте бережливы, тогда вы накопите деньги и станете... капиталистом. Бывает и такое. Но для этого должно быть признание равнопартнерских, уважительных отношений труда и капитала. По нашему анализу, за тридцать лет такого отношения ни в Беларуси, ни у ближайших соседей не сложилось.

Банк как переходный институт. Деньги и банки исторически взаимосвязаны. Они аккумулируют по видимости частные активы, но по сути общественную субстанцию. Но банк – это переходный институт, который в зависимости от естественно-исторических условий, сложившейся системы хозяйственных отношений и формы политической власти может как проводить спекулятивную стратегию, разрушающую производственный сектор, так и осуществлять под общественным контролем и вместе с другими институциональными структурами управления мероприятия, направленные на генетическую связь с действительной экономикой, или, как сейчас принято говорить, реальным сектором.

Ситуация в нынешней социально-экономической системе такова, что из-за явного доминирования банковской сферы и их лиц нарушены естественно-исторические нормальные неформальные экономические отношения между различными секторами экономики и гражданами, государством и обществом. Начало доминировать формальное право в регулировании денежных отношений, которое, мягко говоря, узурпировало или нарушило частное отношение и частное право на собственность.

Что же касается тиражируемого утверждения о двухуровневой банковской системе в нашей стране и у соседей, то это «банкирский взгляд» на банки. Он не позволяет уловить относительно полный спектр денежно-финансовых отношений. Поэтому регулятивные мероприятия будут или искажены из-за недостатка информации, или же они не окажут должного эффекта из-за отсутствия полного учета интересов различных экономических агентов. Можно обратить внимание на практику одностороннего изменения условий депозитно-кредитных договоров, отсутствие предоставления информации вкладчикам о состоянии их вкладов до завершения сроков договоров, на введение платы за все действия и операции, на уловки банков при кредитовании, не предоставляя заемщикам полную информацию об окончательном проценте, и т.д.

Итак, *первый уровень* – это даже не центр- или нацбанк. *Первый главный уровень* фиксирует отношения общества (именно общества, а не государства) к деятельности банковской системы. Он отражает срез доверия к национальной валюте, дает оценку того, как работает банковская система, каковы транзакционные издержки этой сферы, каковы результаты такого взаимодействия по широкому кругу показателей. *Второй уровень* – это уровень уже института государства, реализуемый через деятельность центробанков с банками коммерческими и другими финансовыми структурами. Это организационно-методический аспект отношений банковской системы той или иной страны. Его могут абсолютно не знать граждане, но его знают и чувствуют главные акторы этих отношений. *Третий и четвертый*

уровни представляют финансовые отношения фирм и граждан с коммерческими банками. *Пятый уровень* отражает финансовые отношения хозяйствующих агентов с небанковскими организациями типа трастов, пенсионных и целевых фондов, касс взаимопомощи и пр. *Шестой уровень* – это деятельность по формированию и использованию государственного бюджета. Нельзя, чтобы «пилили бюджет» те, кто ближе к власти. *Седьмой уровень* проявляется в деятельности того, что называют «финансовыми рынками». Они используют денежный материал и его производные, но его законы функционирования совершенно другие. Это не просто коммерческая сфера, это сфера спекулятивная. Этим участникам не нужна устойчивая валюта. Им нужны колебания валюты и валют, ценных других материалов, чтобы привлечь в свою «игру» сторонников этой деятельности [Тириоль, 2017]. Пожалуй, эти инстинкты тоже нуждаются в удовлетворении, хотя в некоторых странах такие операции ограничены или же вообще запрещены.

История банковского дела даст на эту тему немало аргументированного материала о том, что государство может все, даже печатать деньги, но не может, к сожалению, обеспечить полного доверия к деньгам и, следовательно, снижающую их покупательную способность [Де Сото, 2008]. Поэтому здесь оценки сумм самые разные, но они впечатляющие, поэтому население Беларуси предпочитает свои немалые деньги держать где-то при себе... И эта сумма денег – это реальный показатель доверия населения к социально-экономической системе. Это еще раз подтверждает правильность миметического подхода в исследовании денег: так поступают всегда и население всех стран, когда ощущает опасность несохранения своей собственности, своего будущего.

Банковские работники как-то «забыли» в своей деятельности о *договоре «иррегулярной поклажи»*, с которого начинаются отношения по хранению материальных ценностей, и денег в том числе. По сути – это начало банковского дела. Поклада заменимых вещей, обладающая фундаментальными признаками договора поклажи, называется «иррегулярной поклажей». Поскольку в договоре *mutuum* предметом займа являются заменимые вещи, он влечет за собой обмен «настоящих» благ на «будущие» блага.

Эти и другие факты приводятся для того, чтобы подчеркнуть, во-первых, что деньги в своем движении и даже самом «молчаливом» существовании отражают более широкий спектр отношений, чем количество денег в обращении, и пр. Это *агрегированный общественный институт, и он требует к себе такого же понимания и отношения*. Общественный институт – это сложившаяся за весьма длительный исторический период агрегированная мера, норма поведения из множества людских стереотипов оценок собственных и поступков других в результате индивидуальной и совместной деятельности. Таким образом, *общественные институты*, подобно чистому золоту, аккумулируют в себе огромные массивы информации и опыта, в результате чего разрешается противоречие эгоизма и альтруизма, алчности и добродетели, конкуренции и взаимопомощи, разрушения и созидания. Но достигается равновесие в этой сфере на основе формирования доверия к действиям Правительства целым рядом не только административно-экономических мероприятий, имеющих различную направленность, механизм и временной лаг воздействия, но и социально-психологических, культурно-этических и пр. К тому же с институциональной точки зрения мы должны учитывать, что, как и в Западной Европе, где деньги есть всего лишь средство, а жизнь – цель, в белорусском обществе монетарная мотивация с соответствующим поведением и организацией общества никогда не станет доминирующей жизненной

стратегией [Альбер, 1998; Лемещенко, Сидорова, 2013]. Социологические исследования указывают на далеко не монетарную структуру предпочтений белорусского населения [Широканова, 2013, с. 108-118].

Политэкономия денежно-стоимостных институтов: краткий практический аспект. Серьезной проблемой для развития страны является понимание исходных методологических позиций: деньги для общества, для банкиров, государства как института или, скажем, страна со всеми ее составляющими для денег и банков. Речь идет о политэкономии как базовой научной дисциплине экономической политики любой страны.

Глубочайшее заблуждение, царящее в головах большинства населения мира в целом и нашей страны в частности, является представление о капитализме и рынке как системе, обеспечивающей некую видимость равенства жизни и возможностей. Капитализм – это, прежде всего, «сфера просвещенных», понимающих больше, чем остальные, и обладающих приоритетными ресурсами, к которым следует отнести и деньги [Скоробогатов, 2018, с. 44, 201]. Он грабит не прямо, а через обмен. Звучит грубо, зато честно. А банки, работая со специфическим материалом, прямо и косвенно участвуют в этом процессе, задавая не только динамику этому процессу, но и тон, идеологию. Это канал и инструмент перекачки и стоимости, и информации от одних к другим. Кому и как, что – это предмет отдельного разговора.

Реальность такова, что при капитализме, а это и наша реальность, люди, находящиеся на разных ступенях, пользуются и институтами различного качества. Нет равенства не только в собственности, но и нет равенства в доступе и понимании деятельности институтов. Капитализм, рынок и вся хозяйственная жизнь – это определенные типы институциональных структур, глубоко отличных от традиционных полярных случаев демократии и авторитаризма так же, как и от марксистских формаций. Иначе говоря, капитализм – это «политбюро», «ЦК КПСС» – Центро- и нацбанки, а коммерческие банки – «обкомы», реализующие идеи верхних этажей управления. Граждане и фирмы здесь остаются со своими предпочтениями, зависимостями и ограничениями...

Наконец, последнее. Глобальную экономику мы уже не отрицаем, хотя странного и мифического в нем больше, чем в самой мировой хозяйственной системе [Лемещенко, 2005, с. 106-108]. Построили глобальную экономику, в которой стала доминировать *глобальная рента как форма дохода*. Капитал, как исторически вызревшая экономическая форма, утратил свои преимущества эффективного развития. Стагнация частично пока разрешается новым экономическим империализмом, в основе которого лежат институциональное неравенство и неэквивалентность торгово-валютных отношений. Возникли и новые *переходные экономические формы*, которые мало изучены или изучаются не системно. *Произошел также подрыв института частной собственности*: его сегодня невозможно сохранить в рамках классических законов экономики – «сберегать нельзя инвестировать». «Когда расширение производственного капитала в стране становится побочным продуктом деятельности игорного дела, – пишет Дж. Кейнс, – трудно ожидать хороших результатов» [Кейнс, 2007, с. 224]. И далее, как следует по тексту: если что и погубит капитализм, то его рантье́рская способность. И действительно, рентные доходы разного вида в структуре мировых доходов растут. Но это уже не рыночный доход, в получении которого когда-то была заложена рациональность сложного утилитаризма: богатым можно быть, но только за счет производства благ и услуг для других.

Вместо заключения. Деньги и финансы обладают способностью к аккумуляции капитала, объединению информации, координации действий и мотивации людей. Поэтому стадия ноономики однозначно приемлет использование денег и финансов [Бодрунов, 2018]. Но с помощью денег можно производить атомную энергию для мирного электричества и для бомбы. Поэтому, понимая разрушительные и созидательные силы денег, должны быть созданы в стране соответствующие общественные рамки, которые бы обеспечивали проявление и развитие лучших человеческих качеств. Эта проблема получает определенное толкование в весьма непривычном для наших ученых разделе экономической науки – *«Робастной политической экономии»*.

Таким образом, учитывая ограниченность знаний человека, несовершенство его поведения, при котором чрезмерно проявляется человеческий эгоизм, другие отрицательные качества за счет использования другого и других, включая и другие целые страны, а также противоречивость практической деятельности, деятельности в организации государства, робастная политэкономия институтов, сохраняя классические аналитические принципы, призвана расширить свой объект исследования до институтов, устраняющих названные выше несовершенства и отрицательные свойства мир-экономики, влияя на отдельных людей. Такова объективная необходимость – для выживания и даже для развития. Робастная политэкономия институтов призвана показать, раскрыть, какие все-таки институты из возможных и действительных более прогрессивные, объединяющие и отражают даже гипотетически лучшие результаты исходя из признания ограниченных познавательных возможностей людей. Известная фраза «Если ты такой умный, то почему же такой бедный» должна служить индикатором далекой от совершенства проводимой экономической политики в стране, а не осуждением людей интеллекта. «Для денег характерно, – как писал Дж. Кейнс, – что сами по себе они не приносят никакого дохода, издержки содержания для них ничтожны, а их премии за ликвидность значительны [Кейнс, 2007, с. 296]. Интеллект предполагает колоссальные затраты, которые к тому же никак не могут экономически компенсироваться быстро и при небольших тиражах.

Список источников

- Аузан А.А., Никишина Е.Н. (2021). Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика – на культуру: Курс лекций. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. 200 с.
- Альбер М. (1998). Капитализм против капитализма. СПб.: Экономическая школа. 296 с.
- Бодрунов С.Д. (2018). Ноономика. М.: Культурная революция. 432 с.
- Бродель Ф. (1986). Материальная цивилизация, экономика и капитализм. В 3 т. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс. 622 с.
- Гусейнов А.А. (1989). Доверие / под ред. А.А. Гусейнова и И.С. Кона. М.: Политиздат. С. 115.
- Де Сото Х.У. (2008). Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Челябинск: Социум. 663 с.
- Ефимов В.М. (2017). Конец алхимии финансов и суверенные деньги: (О книгах М. Кинга «Конец алхимии: деньги, банковское дело и будущее глобальной экономики» и Й. Хубера «Суверенные деньги. За пределами банковского резервирования») // Вопросы экономики. № 12. С. 131-141.
- Кейнс Дж.М. (2007). Общая теория занятости, процента и денег. М.: Эксмо. 980 с.

- Кейнс Дж.М. (2009). Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики. № 6. С. 60-69.
- Лемещенко П.С. (2005). Глобализация: миф, виртуальность или реальность? // Проблемы современной экономики. № 1. С. 106-108.
- Лемещенко П.С. (2015). Институциональная экономика: теория, политика, практика. Мн.: Мисанта. 755 с.
- Лемещенко П.С., Лаврухина И.А. (2019). Глобальная политэкономия. Мн.: Мисанта. 416 с.
- Лемещенко П.С., Сидорова А.М. (2013). Неформальные институты и рыночная реформа в Беларуси: эволюция, противоречия, стратегия. Мн.: Мисанта. 103 с.
- Лиэтар Б.А. (2007). Будущее денег. М.: АСТ: Астрель. 496 с.
- Самуэльсон П.А. (1964). Экономика. Вводный курс: пер. с англ. М.: Прогресс. 843 с. Скоробогатов А.С. (2018). Общество как договор между сильными и слабыми. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 248 с.
- Стиглиц Дж. (2015). Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему: пер. с англ. М.: Эксмо. 512 с.
- Тироль Ж. (2017). Теория корпоративных финансов. М.: ГУ ВШЭ. 640 с.
- Хайек Ф.А. (1992). Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / пер. с англ. Е. Осиповой; Под ред. Е. Гордеевой. М.: Изд-во «Новости». 304 с.
- Широканова А.А. (2016). Близкие духом: динамика ценностей в Беларуси и соседних странах (1990-2012) // Социология. № 3. С. 108-118.

References

- Auzan A.A., Nikishina E.N. (2021). *Sociocultural Economy: How Culture Influences Economy and How Economy Influences Culture: A Series of Lectures*. М.: Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University. 200 p. (In Russ.).
- Albert M. (1998). *Capitalism Vs. Capitalism: How America's Obsession with Individual Achievement and Short-Term Profit Has Led It to the Brink of Collapse*. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola Publ. 296 p. (In Russ.).
- Bodrunov S.D. (2018). *Noonomy*. М.: Kul'turnaya revolyutsiya Publ. 432 p. (In Russ.).
- Braudel F. (1986). *Civilization and Capitalism*. In 3 vol. Vol. 1. *The Structures of Everyday Life*. М.: Progress. 622 p. (In Russ.).
- Guseynov A.A. (1989). *Trust*. М.: Politizdat. p. 115. (In Russ.).
- De Soto J. H. (2008). *Money, Bank Credit, and Economic Cycles*. Chelyabinsk: Sotsium. 663 p. (In Russ.).
- Yefimov V. M. (2017). The End of Alchemy of Finance and Sovereign Money (Reviewing the books "The End of Alchemy: Money, Banking and the Future of the Global Economy" by M. King and "Sovereign Money. Beyond Reserve Banking" by J. Huber). *Voprosy Ekonomiki* [The Questions of Economics]. No. 12, pp. 131-141. (In Russ.).
- Keynes J.M. (2007). *The General Theory of Employment, Interest and Money*. М.: Eksmo. 980 p. (In Russ.).
- Keynes J.M. (2009). Economic Possibilities for Our Grandchildren. *Voprosy Ekonomiki* [The Questions of Economics]. No. 6, pp. 60-69. (In Russ.).
- Lemeshchenko P.S. (2005). Globalization: Myth, Virtuality or Reality? *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of Modern Economics]. No. 1, pp. 106-108. (In Russ.).

- Lemeshchenko P.S. (2015). *Institutional Economics: Theory, Policy, Practice*. Minsk: Misanta. 755 p. (In Russ.).
- Lemeshchenko P.S., Lavrukhhina I.A. (2019). *Global Political Economy*. Minsk: Misanta. 416 p. (In Russ.).
- Lemeshchenko P.S., Sidorova A.M. (2013). *Informal Institutions and Market Reform in Belarus: Evolution, Controversy, Strategy*. Minsk: Misanta. 103 p. (In Russ.).
- Lietaer B. A. (2007). *The Future of Money*. M.: AST: Astrel. 496 p. (In Russ.).
- Samuelson P.A. (1964). *Economics: An Introductory Analysis*. M.: Progress. 843 p. (In Russ.).
- Skorobogatov A. S. (2018). *Society As a Contract between the Strong and the Weak*. M.: HSE Publishing House. 248 p. (In Russ.).
- Stiglitz J. (2015). *The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future*. M.: Eksmo. 512 p. (In Russ.).
- Tirole J. (2017). *The Theory of Corporate Finance*. M.: HSE Publishing House. 640 p. (In Russ.).
- Hayek F.A. (1992). *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism*. M.: Novosti Publishing House. 304 p. (In Russ.).
- Shirokanova A.A. (2016). Close in Spirit: Value Dynamics in Belarus and Neighbouring Countries (1990-2012). *Sotsiologiya [Sociology]*. No. 3, pp. 108-118. (In Russ.).

Информация об авторе

Петр Сергеевич Лемещенко

Заведующий кафедрой международной политической экономии экономического факультета Белорусского государственного университета, доктор экономических наук, профессор (Республика Беларусь, Минск, проспект Независимости, 4)

E-mail: liamp@bsu.by

Information about the author

Peter S. Lemeshchenko

Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of International Political Economy of the Faculty of Economics Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)

E-mail: liamp@bsu.by